

УДК 821.162.1-34

М. М. ГОЛУБКОВ

СКВОЗЬ РЕМИЗОВСКИЕ ОЧКИ: ОБ ОДНОЙ ЗНАКОВОЙ МОНОГРАФИИ

Резюме. Прорецензирована монография Н. Л. Блищ «А. М. Ремизов и русская литература XIX–XX вв.: рецепция, рефлексия, авторефлексия», которая посвящена проблемам восприятия и переосмысления русской классики в творческом наследии А. М. Ремизова, а также исследованию творческих взаимоотношений этого писателя с современниками. Н. Л. Блищ представила в книге панораму ремизовских оригинальных интерпретаций мифопоэтических писательских автопортретов (А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского и др.). Именно такое понимание классического наследия послужило Ремизову источником его собственного творчества, основанного на смысловых и стилевых трансформациях претекстов. Автор статьи анализирует обозначенные в монографии аспекты наследования ремизовской поэтики писателями второй половины XX в. и высказывает полемичные суждения по поводу стилевых перекличек А. М. Ремизова и А. Д. Синявского, предлагая обратить внимание на различия между этими художниками.

Ключевые слова: филологическое мышление; переосмысление; символично-биографический подтекст; авторская маска; мифопоэтика.

Abstract. The article offers a detailed review of N. L. Blishch monograph «A. M. Remizov and Russian Literature of the XIX–XX centuries: Reception, Reflection, Autoreflexion». The book is devoted to some major aspects of understanding Remizov's approach to Russian classical literature and his creative interrelations with contemporary writers. N. L. Blishch demonstrates that Remizov has proposed his own highly original interpretations of authorial myths shaped by Russian literary classics (A. S. Pushkin, N. V. Gogol, F. M. Dostoevsky etc.). His understanding of their creative achievements was founded on this artistic presumption and served as a pivotal source of his own creativity based on multiple semantic and stylistic transformations of classical pre-texts. The author of the review pays special attention to N. L. Blishch's observations about the ways younger writers succeeded to Remizov's poetics. Some polemical remarks concerning principal dissimilarities between A. M. Remizov and A. D. Sinyavsky is maid.

Key words: philological thinking; reevaluation; symbolical subtext of biography; authorial image; mythopoetical imagery.

Монография Н. Л. Блищ (см. Блищ 2013) принадлежит к числу тех работ, проблематика и методология которых выглядит очень современно. Такого рода труды сочетают в себе два разных и, как казалось ранее, не вполне совместимых принципа подхода к литературному материалу. С одной стороны, в фокусе познания находится творчество того или иного художника, с другой – предельно широко воспринятый литературно-художественный, философский, социально-бытовой контекст, данный в трех временных измерениях: прошлом, настоящем и будущем. Иначе говоря, А. М. Ремизов оказывается вписан не только в свое время, анализируются его связи с предшествующей традицией и восприятие его художественного наследия следующими поколениями художников. Таким образом, избранный писатель и вся совокупность созданного им оказывается своеобразной призмой, в которой преломляются литературное прошлое и литературное будущее. В подобных работах оказывается сразу два предмета исследования: относительно узкий (художественное наследие автора) и предельно широкий, практически безбрежный – вся совокупность литературного прошлого и литературного будущего, когда сделанное писателем живет в художественном сознании его литературных наследников.

В данном случае в центре монографического исследования встает А. М. Ремизов, писатель-модернист мирового уровня, с обширным историко-литературным кругозором и глубоким знанием фольклора и древнерусской словесности, русской литературы XVIII и XIX вв., создатель и тонкий ценитель поэзии, драмы и прозы модернизма XX в., как характеризует его Н. Л. Блищ на первых же страницах книги. В монографии творчество Ремизова предстает как кристалл, сквозь который преломляется предшествующая литературная традиция и из которого исходит множество лучей, предопределивших литературный спектр последующих десятилетий.

Вполне закономерно, что такой ракурс исследования с неизбежностью искажает литературную картину, делает ее «ремизовоцентричной». Автор настолько хорошо знает и любит «героя» своего исследования, что начинает рассматривать все явления литературного процесса в связи с тем, насколько они связаны с творчеством и личностью Ремизова или могли быть связаны с ним. Другие явления литературного процесса, далекие от избранного писателя или чуждые ему, оказываются вне сферы внимания автора. Иногда, напротив, ремизовский след видится в тех явлениях, которые, казалось бы, уж никак не связаны с ним. Впрочем, такое искажение вполне простительно и естественно, ведь монография написана не вообще о литературе двух прошедших столетий, а о Ремизове, о его отношениях с предшественниками и современниками и о его наследниках второй половины XX в. И такой ракурс исследования, обусловленный самой темой работы и ее методологией, обнаруживает неизвестные и неописанные еще стороны русской литературы.

Этот ракурс требует огромной эрудиции, он предполагает и наличие особого склада ума, когда автор находит переклички мотивов, образов, тем сюжетов у совершенно разных авторов – Ремизов и Пушкин, Ремизов и Жолковский, Ремизов и Саша Соколов. И тем и другим ученый, несомненно, обладает. Н. Л. Блищ демонстрирует и огромную эрудицию, и ассоциативный склад филологического мышления, которое способно обнаруживать невероятные, казалось бы, параллели. Среди них, например, – сопоставление символиста Ремизова с лингвистом-структуралистом и представителем семиотической школы в литературоведении А. К. Жолковским. И эта неожиданная связь веско аргументируется автором нашего исследования. Сближает их, оказывается, два эссе о Тургеневе, написанные с интервалом в без малого 50 лет: Ремизовым – в 1954 г., Жолковским – в 2010 г. Анализируя их, автор находит много удивительных параллелей и убедительно доказывает, что они не надуманы, действительно реальны. Например, оптика: мотив особого взгляда, особого фокуса, который доступен только художнику (вспомним знаменитую ремизовскую метафору «подстриженными глазами» и название эссе Жолковского «Наводка на резкость»). По мнению исследователя, Ремизов и в художественном творчестве, и в эссеистике «использует разнообразный оптический арсенал». Вот почему эффектное метафорическое название увертюры Жолковского «Наводка на резкость» к сборнику «Осторожно, треножник» (2010) вызывает устойчивые ассоциации с Ремизовым. В этой увертюре заявлена цель сборника: «продемонстрировать актуальность филологии как взгляда и на вещи, лежащие за ее профессиональными рамками» (Блищ 2013, 157).

Подобные, совершенно неожиданные на первый взгляд сближения буквально рассыпаны по работе и вызывают большой интерес. Но не в них (вернее, не только в них) состоит ее научный пафос. Он проявляется в первую очередь в том, что фигура Ремизова формирует совершенно особый характер восприятия литературных явлений как XIX, так и XX в.

«Ремизовоцентризм» работы формирует ее композицию. В первой главе рассматривается русская литература XIX в., как ее видел Ремизов. В фокусе исследования оказываются прежде всего Пушкин, Гоголь и Достоевский. Взгляд сквозь ремизовские очки раскрывает в классических фигурах русской словесности неожиданные стороны. Скажем, в творчестве Гоголя автор книги обнаруживает «вийный комплекс» и очень подробно его анализирует; а характер взаимоотношений с Достоевским квалифицируется как путь от подражания к пародированию. Думается, что такой принцип рецепции классики характеризует именно Ремизова.

Вторая глава рассматривает связи Ремизова и писателей-современников. В центре этой главы оказываются фигуры И. Бунина, И. Шмелева, М. Кузмина, А. Блока. Все они принадлежат Серебряному веку, все были свидетелями и участниками художественной революции рубежа веков. И здесь автор находит свой, и очень интересный, ракурс интерпретации этих взаимосвязей. Осмысляя Ремизова как писателя, склонного к мистификациям и мифотворчеству, Н. Л. Блищ рассматривает образы писателей-современников, созданные и переосмысленные в художественном творчестве и бытовом поведении основателя Обезьяньей Великой и Вольной Палаты. При этом главным предметом изображения здесь оказывается автомиф Ремизова о писательской судьбе, который включает в себя несколько мифообразующих мотивов: среди них – вхождение в русскую литературу «с черного хода». Именно этот мотив определяет, например, оппозицию образа Шмелева и Ремизова в мифологии последнего. Если Ремизов входил в литературу «с черного хода», то Шмелев с его повестью «Человек из ресторана» – с парадного подъезда. Подобное вхождение в литературу вызвало у Ремизова ироническую реакцию. Почему?

Текст монографии иногда превращается в подробнейший комментарий к творческой и личной, частной судьбе писателей Серебряного века, поэтому так интересно ее читать. Автор показывает биографические, социальные, литературный подтекст ремизовских пассажей, понять которые без этих комментариев так же сложно, как загадки Джойса. Н. Л. Блищ рассказывает о пиротехнических аттракционах в Сокольниках и на Воробьевых горах, которые устраивал отец И. Шмелева, чтобы объяснить читателю суть иронической фразы Ремизова о литературной славе молодого Шмелева: «...имя его вспыхнет над Москвой ярче бенгальских огней Шмелевского фейерверка и заглушит плеск шаек Серебряниковских бань» (Блищ 2013, 66). А при чем тут бани? И вновь автор превращается в добросовестного комментатора: оказывается, отец Шмелева держал знаменитые в Москве Серебряниковские бани на набережной Яузы, где прошло детство Ремизова. Обозначая купеческие истоки таланта Шмелева, Ремизов иронизирует и над гастрономическими мотивами, в которых воплощается ностальгия по Руси ушедшей и с помощью которых создается ее идиллический образ. И здесь автор находит удивительные факты дореволюционной национальной жизни, которые обыгрываются, часто иронически, Ремизовым. Практическая ценность исследования состоит в том, что оно содержит в себе потенциал нескольких комментаторских книг наподобие «Комментария» Ю. Лотмана к роману в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» или же Набоковского комментария к нему. Как знать? По крайней мере, выхода подобных комментариев из-под пера Н. Л. Блищ вполне можно ждать, и хочется надеяться, в самом недалеком будущем.

Третья глава монографии посвящена рецепции Ремизова, его стиля, его автомифа, образа, созданного им самим, в литературе второй половины XX в. И здесь Ремизов предстает перед читателем как создатель богатейшего арсенала литературных масок, мифологических образов, как писатель-мистификатор, воплощающий в жизнь рожденную Серебряным веком концепцию человека-артиста. «Ему удалось преобразовать странности своего внешнего облика и психологического склада, – полагает автор, – в яркие черты имиджа. <...> Символистские жизнетворческие установки, преломленные в художественном мышлении Ремизова, обретают свое место в его автомифе» (Блищ 2013, 157), реконструкции которого и посвящен первый параграф третьей главы. Его константы подробно перечислены в книге: автор убедительно доказывает, что мифотворческие усилия Ремизова по конструированию собственного литературного образа, созданию литературной личности, отличной от самого писателя, достигли ожидаемых результатов. Не только для потомков, но и для современников писатель воспринимался не в контексте фактов его реальной литературной и жизненной биографии, а в контексте созданного Ремизовым мифа о себе самом.

«Героями» третьей главы становятся как современники Ремизова, разделившие с ним эмигрантскую судьбу (это М. Цветаева и В. Набоков), так и писатели, принадлежащие другому поколению: А. Синявский, А. К. Жолковский, Саша Соколов. И здесь читателя тоже поджидает множество интереснейших и неожиданных сюжетов. Один из них – это взаимодействие художественных миров Ремизова и Набокова через текст-посредник, которым в интерпретации Н. Л. Блищ оказываются произведения Гоголя, в совокупности представляющие «гоголевский текст». Из множества интересных наблюдений укажем лишь на обыгрывание всеми тремя писателями своих птичьих фамилий и суждение Ремизова об очевидном преимуществе птицы ремеза: «Ремез – из птиц первая, вьет гнездо лучше всех гнезд» (Блищ 2013, 138).

Вполне естественно появление в этом контексте фигуры Андрея Синявского. Для него, как и для Ремизова, создание литературной маски было частью жизнетворческой стратегии, и Н. Л. Блищ это убедительно показывает. Однако Синявский предстает как прилежный ученик Ремизова, тогда как его творческий опыт, как нам представляется, имеет все же несколько иной характер.

Когда Ремизов, кутаясь в женские платки собственной вязки, горбясь, утрируя особенности своей внешности, нарочито демонстрируя бытовую скарденность, приbedняясь, глядя на мир сквозь толстенные очки, создавал свой образ мага-чародея, ему не нужен был псевдоним, он не знал, что такое самиздат и тамиздат, что за печатное слово может грозить судебное преследование. И отношения с собственными образами, которые создал Ремизов, были у него совсем другого рода, чем отношения научного сотрудника ИМЛИ Андрея Донатовича Синявского и одесского бандита Абрама Терца.

Абрам Терц оказался не просто псевдонимом, а своего рода литературной личностью, намеренно сконструированной и отчасти заместившей истинного автора, чего все же не было у Ремизова. Создавая свой стиль, писатель выдумывал и образ его носителя. Именно такой литературный персонаж-автор давал Синявскому возможность иного пути в литературе. «Ну, Синявский, во-первых, – человек, Синявский – критик, Синявский – профессор, лекции читает, выступает обычно Синявский, – характеризует себя писатель в беседе с Джоном Глэдом. А Терц исключительно художник, причем, конечно, они где-то совмещаются, но вместе с тем это фигуры совсем разные и даже психически и физически не очень похожие друг на друга. Синявский – это человек, в общем, академичный, сравнительно скромный, такого созерцательного типа человек, добросовестный, наверное, скучноватый, в общем, ординарный. А Абрам Терц – это нахал, наглец, это вор. Отсюда, кстати, и имя Абрама Терца – бандит. (Как известно, псевдоним заимствован из одесской блатной песенки, персонажем которой был Абрашка Терц. – М. Г.) Он даже и физически не похож на Синявского. Абрам Терц не носит бороды, может быть, маленькие усики, кепку, надвинутую на глаза, руки в брюки, нож в кармане обязательно. И чуть что – стремится выхватить нож и воткнуть в бок. Такой мой темный двойник, и, конечно, для меня главное – Абрам Терц... Абрам Терц – это, конечно, литературная маска, выражающая очень важную сторону моего “я”. Синявский может, в принципе, на любую академическую тему писать работу, а Абрам Терц всегда ищет запретных тем» (Глэд 1991, 169–192). В частной беседе вдова А. Синявского Мария Розанова охарактеризовала такое противоречие как раздвоение личности. Иными словами, писатель создал не своего двойника, а сконструировал литературную личность, принципиально дистанцированную от самого себя. Как нам представляется, подобного раздвоения Ремизов не переживал, и материал монографии это подтверждает. Может быть, ее автору стоило обратить внимание не только на сходство жизнетворческой стратегии обоих авторов, но и на дистанцию между ними?

И еще одно замечание, связанное с «оптикой» автора книги. Если Ремизов смотрел «подстриженными глазами», то Н. Л. Блищ явно использует его очки, и это проявляется в том самом «ремизовоцентризме», о котором уже шла речь как о достоинстве работы. Но иногда он становится утомительным, и фигура Ремизова превращается в некий сверхмассивный объект, в поле гравитации которого попадают буквально все явления литературного процесса XIX–XX вв. Это и Замятин с Пильняком, и Чиннов с Иваском, и современная литература с текстами Сорокина, Калядина, Водолазкина, и даже «новая драма». С одной стороны, понятна авторская увлеченность своим героем, но с другой – были ведь и другие писатели в русской литературе...

Необходимо также отметить, что Игорь Чиннов был автором «Нового журнала», но не входил в редколлегию и никогда не был одним из его редакторов, как утверждает в книге (см. Блищ 2013, 112). Почему инженер Форст, герой романа Б. Пильняка «Машины и волки», есть «не кто иной, как Е. И. Замятин» (Блищ 2013, 110), – остается не вполне очевидным.

Однако из сказанного в рецензии следует, что сделанные замечания являются не столько замечаниями, сколько суждениями полемического характера, вызывающими на спор, ибо любая яркая и неординарная работа (а книга Н. Л. Блищ, безусловно, принадлежит к их числу) не может не провоцировать на заинтересованный диалог о литературе, о ее судьбах, о сознательно созданных образах писателей, оставшихся нам в наследство так же, как и их художественные тексты. Именно поэтому сделанные замечания никак не умаляют научные достоинства интересной, глубокой, новаторской работы, скорее, подчеркивают их.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Блищ Н. Л. А. М. Ремизов и русская литература XIX–XX вв.: рецепция, рефлексия, авторефлексия. Минск, 2013.

Глэд Дж. Андрей Синявский и Мария Розанова // Беседы в изгнании: русское литературное зарубежье. М., 1991.

Поступила в редакцию 06.06.2014.

Михаил Михайлович Голубков – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы XX–XXI вв. МГУ им. М. В. Ломоносова.